

В данной статье была предпринята попытка рассмотреть психологический портрет малоизвестного казанского поэта XX века Леонида Ивановича Топчия с помощью анализа функционально-видовых особенностей антитезы. Важная черта современной литературоведческой ситуации: обращение к творчеству своих земляков. Исследователи Татарстана открывают имена Стахеева, Каменева, Невоструева, Дьяченко и др.; арзамасцы – Марии Жуковой; орловцы изучают не только вечных «своих» Лескова, Тургенева, Бунина, Андреева, но и Иосифа Калининкова.

Ключевые слова и фразы: лирика; лирический герой; антитеза; метафора; драматический пафос; мироощущение поэта; психологический портрет.

Божкова Галина Николаевна, к. филол. н.

Елабужский институт Казанского федерального университета

bozhkova.galina@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТИТЕЗА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Л. И. ТОПЧИЯ[©]

*Ты хочешь новое жильё,
Тряпья побольше,
Больше пицци. <...>
Однако я не умолчу:
Ты хочешь в новой жить квартире,
А я в бессмертии жить хочу [3, с. 201]*

Л. И. Топчий

Творчество Топчия – «одно из ярких и малоизученных явлений современной литературы» [1, с. 30]. Стихи Леонида Ивановича помогают понять противоречивые мысли и переживания казанского поэта, умершего в конце XX века и оставившего сотни стихов, десятки поэм, переводы. В 2003 году дочь Л. И. Топчия Марина Рахматуллина собрала все рукописи и издала книгу отца, в которую включены произведения, наиболее характерные для творчества поэта, дающие представление о тематическом диапазоне и непростой судьбе поэта. За пределами сборника осталось ещё много неизданных произведений.

Выработка собственного языка Леонидом Ивановичем осуществлялась всю жизнь. Основными особенностями стиля становятся: ломаный ритм с обилием пауз, нестандартная сочетаемость слов, различного рода художественные комбинации звуков. Топчий широко использует все виды тропов: эпитеты, метафоры антитезы. Появляется огромный поэтический мир, состоящий из прошлого, настоящего и будущего. Это не оранжерейный идиллический мир – в нем всё движется, льётся, разрывается и кипит.

Анализ выразительных средств показывает, что и эмоциональное содержание, и аксиологическое значение могут быть раскрыты и с помощью антитезы.

Возникновение понятия антитеза связано с древностью: первые противопоставления встречаются в мифах и фольклорных источниках: Зевс – Прометей; сказка «Правда и Кривда»; былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник»; пословицы и др. Антитезой в широком смысле слова называется «всякое противопоставление, а в стилистике – такое построение фраз, когда в одной строке рядом стоят слова, обозначающие противоположные понятия» [4, с. 304]. Выразительность данного приёма заключается в том, что разные по значению слова резко оттеняют значения и поэтому делают мысль автора выразительнее. Примеры использования этой стилистической фигуры встречаются у многих писателей и поэтов. А. С. Пушкин использует её для

противопоставления характеров героев. М. Ю. Лермонтов с помощью этого приема подчёркивает классовое расслоение русского общества в дореволюционной России XIX века. Приём антитезы лежит также и в заглавиях многих классических произведений.

Всю поэтику стихов Леонида Ивановича Топчия отличает мощный глубинный подтекст, и антитеза очень часто находится на подтекстовом уровне, именно она помогает понять противоречивый поэтический мир Топчия.

Поэт жил в очень сложное для России время: две мировые войны, 10 лет ГУЛАГа, исключение из Союза писателей. Леонид Иванович – поэт «счастливой доли и несчастной судьбы» [5] – это и есть главная антитеза жизни поэта: «Иное время вспоминаю, / О нём не вдоволь-то вестей, / Но хватит мне, что наших знаю / Войной загубленных детей» [3, с. 17]. Однако главным несчастьем в своей жизни поэт считал то, что многие стихи не доходили до читателя, потому что были запрещены цензурой, но ни в одном стихотворении Топчий не сфальшивил, а быть правдивым с людьми – это значит не лукавить самому себе: «Вещует сердце – быть беде, Что попадусь я в лапы / Советскому НКВД, / Немецкому гестапо. // За то, что я двоих вождей / Стихами избидел. / <...> // Я просто правду говорил, / За что и отвечаю. / Я говорил, что даром мрёт / Несчастный человек. / Одних Иосиф на смерть шлёт, / Других Адольф калечит <...>» [Там же, с. 148].

Счастье для поэта ещё и в том, что он стал свидетелем не только военного времени, но и послевоенных перемен, поэтому и родилась мечта: «И вот уже на свете / Покой и благодать. / Играют мирно дети, / Глядит счастливо мать. / Везде сады и скверы, / В фонтанах есть вода, / И милиционеры исчезли без следа. / Идешь себе свободно, / Захочется конфет – / На полках – что угодно, / И очереди нет <...>» [Там же, с. 97]. Главным достижением и наградой Леонид Иванович считал не стихи, а дочь, с которой судьба развела, но трепет перед родным человеком и вера очевидна в стихах: «Девчонку, смешную девчонку / Сейчас на руках я несу, / Которая только и может / в своём ковыряться носу. / Она ещё только лепечет, / Она – несмышлёныш сейчас, / Но ей позавидовать

должен / Любой, самый лучший из нас. / Она не увидит ни горя, / Ни лжи в
предстоящей судьбе. / <...> / Хоть мы потрудились немало, / В свой час, но
всему вопреки, / Она обязательно скажет: / – Смешные мои старики»
[Там же, с. 149]. Судьба разлучила отца и дочь, они почти не виделись, однако,
предчувствуя жизненный финал, он отправил дочери письмо: «<...> И когда
мне отсчитает лета / Жизнь моя и подойдёт конец, / Исключая звание поэта, /
Просто назови меня: отец» [Там же, с. 5]. Марина Леонидовна во
вступительной статье к сборнику стихов отца «Воскрешение» пишет: «И когда-
то мама принесла конверт, на котором было написано: “Дочери вместо письма”.
Я храню это письмо как самый дорогой подарок.<...> Вскоре наша встреча
состоялась. 24 сентября 1974 года на Арском кладбище в разгар золотой осени,
которую отец так любил» [Там же]. Поэт стыдился своего образа жизни,
поэтому не хотел мешать дочери. Желая противостоять этому чувству, он
использовал защитные механизмы отрицания, подавления и самоутверждения,
поэтому контрастен даже пафос стихов: от комического к драматическому.

Как жизнь, так и лирика Топчия противоречивы, «амбивалентны». И так, в
поэзии доминируют две составляющие – интеллектуальная, которая опирается
на систему точных знаний – информативная антитеза; эмоциональная,
позволяющая почувствовать мироощущение и мировосприятие (чувственный
контакт с миром), которые представлены многообразием чувств и настроений.
Продемонстрировать позволяет *психологическая антитеза*. В цикле стихов,
посвященных переживаниям смерти матери, присутствуют обе функции:
«*Поплакали* немного. А потом / Заговорили снова о простом, / Земном,
житейском, тут же, у могилы. / Дрова, мол, нужно заготовить в срок, / Покрыть
железом дом. И не уныло, / А *бодро* зашагали в городок. / По рюмке осушили.
Закусили. / Потом запели, только не псалом, / А просто песню, – ведь живые
были, / Живые люди были за столом, / Живые не без совести и чести, / Совсем
не помышлявшие о зле <...> / Не надо плакать. Лучше пойте песни, / Когда
меня не станет на земле» [Там же, с. 162]. В данной элегии присутствует
информативная антитеза, читатель узнаёт о смерти матери поэта, а также о

погребальных традициях, появляется словесный контраст «могила» – «живые»; «псалом» – «песня». Усиление противопоставления происходит с помощью кольцевого повтора: три раза повторяется слово «живые» и два раза «песня» – это очевидное свидетельство авторского оптимизма, который любит жизнь и понимает, что смерть это тоже часть жизни – её неизбежный финал. Торжество жизни так же в изобилии глаголов: «поплакали», «заговорили», «заготовить», «покрыть», «зашагали», «закусили», «запели», «не плакать», «пойте», и эти глаголы как настоящего, так и прошедшего времён лишь подтверждают вечный «круговорот жизни», жизнеутверждающую философию Топчия, свидетельством чего становится наличие психологической антитезы. В данном лирическом стихотворении суммарно-обозначающий вид психологизма (Есин) – «поплакали» – «бодро» – эти слова демонстрируют авторское отношение к миру. В трудные минуты жизни он всегда находил в себе силы жить, чувствовать, писать.

Стихи становятся единственным дневником поэта, в котором звучит мотив одиночества, и в то же время присутствует ощущение счастья, ведь муза и женщина, по мнению поэта, не могут существовать вместе. Наверное, именно поэтому любовь в творчестве Топчия – чувство временное: «Однолюбом никогда я не был, / Тут же сознаю свою вину <...>», «Я уже заболел усталостью, / Надо быть со мной потеплей, / Но мужчина не терпит жалости, / Потому меня не жалея. / Я не смог отличиться *кротостью*, / Видно *чувству предела* нет <...>» [Там же, с. 224]. Личность лирического героя трагически раздвоена: он, то признаётся в том, что не может быть постоянным в любви, ведь любовь для поэта – «пожар», то тоскует, по земному тёплому чувству. Очень много любовных посланий посвящено Валентине Ивановне Денисовой, бывшей супруге поэта, и в них присутствует не безмятежность, а сожаление: «<...> Мне понятно теперь, что *золото* / Разменял я на *медяки*. / Это мною уже проверено / Тяжело мне печаль нести, / Если счастье наше *потеряно*, / Значит, нужно его *найти*, / Значит, надобно жить нам заново / И по жизни вдвоём идти, / Валентина моя Ивановна, / Не жалея меня, но прости» [Там же]. В

вышеупомянутых лирических произведениях появляется характерологическая функция такого приёма, как антитеза. Она становится средством описания лирического героя, таким образом, появляется его «психологический портрет» [2, с. 136], состоящий из контрастных метафор: «тяжело мне печаль нести», «я уже заболел усталостью», «идут за годами года», «посеял злость» **или** «небрежно и грубо <...> целовал я ресницы», «ни перед чем не сдаваться», «ведь у меня беснуется в груди / Такой огонь, что не залить водою» [3, с. 212], «к чертям сквозь землю провалюсь», «не хочу я больше жить / По твоей указке» [Там же, с. 211], «Продолжаю свой марафон, / Перейдя на второе дыханье» [Там же, с. 227] и др. Мироощущение лирического героя динамично, оно представлено многообразием чувств и настроений.

Итак, исходя из вышесказанного, можно говорить о многофункциональности такого поэтического приёма, как антитеза. В поэтическом наследии почти не встречается номинативного, сословного и композиционного контрастов, зато очень распространены характерологическая, информативная и психологическая антитезы. Поэт откровенен с читателем, видит в нём близкого человека, свидетельством чего становится исповедальность лирики. Это позволяет охарактеризовать лирического героя как человека интересного, «эпатажного» [6, р. 463], жадно любящего жизнь, уважающего свободу и человеческую индивидуальность. Частью субъективной организации поэтического наследия Топчия можно считать стихотворения с лирическим героем, который становится художественным двойником автора, имеет с ним идейно-психологическое сходство, а мир в творчестве поэта не мыслится как нечто завершённое, в котором всё давно известно, – для Топчия это изменяющаяся бесконечность.

Список литературы

1. **Божкова Г. Н.** Объектно-субъектная организация лирики Г. Капранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1. С. 30-33.
2. **Нуриева Д. Р., Божкова Г. Н.** Виды психологического анализа в творческом наследии М. А. Осоргина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (71). С. 135-137.
3. **Топчий Л. Н.** Воскрешение: стихотворения и поэмы. Казань: *Kazan*-Казань, 2003. 384 с.
4. **Фесенко Э. Я.** Теория литературы: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2008. 780 с.
5. **mtopchei.narod.ru**
6. **Shabalina N. N., Bozhkova G. N.** Function of the Scandal in Literary-Critical Circles // International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Science 2013. Jakarta – Indonesia: CRC Press / Balkema, 2013. P. 461-464.